

Игорь Эбаноидзе

Легкое дыхание

С Еленой Вячеславовной – Леной – Ознобкиной я познакомился в годы, которые были для нее последними, самыми трудными. Тем не менее это знакомство я без преувеличения могу отнести к наиболее значимым в своей жизни. Маленькая и хрупкая, по сути прикованная к постели и инвалидной коляске, Лена излучала такое человеческое обаяние и такую светлую внутреннюю силу, что сострадание к ней было неотделимо от восхищения. В самом деле, немощь воспринималась неизбежной, судьбою продиктованной декорацией, на фоне которой тем ярче выступал человеческий и духовный портрет Лены.

Поводом к знакомству и темой нашего сотрудничества была работа над томами Полного собрания сочинений Ницше. По своему парадоксально: ведь, казалось бы, Лена являла собой контраст стихийной жизненной мощи, тому, что воспевал Ницше. И в то же время она была куда ближе к Ницше, чем большинство совершенно здоровых людей – своим повседневным, неразрывным знанием болезни и своей волей бороться с ней, прорываться к свету. Казалось, она с тем же правом, что и Ницше, могла бы подписаться под его словами: «Никакая боль не может заставить меня лжесвидетельствовать против жизни». В Лене не

было ни малейшей апатии, обреченности, обскурантизма. Она говорила о своей болезни не как о данности, требующей особого отношения окружающих к ней, больной, но как о том, с чем она борется, что надеется преодолеть. Когда после перерыва раздавался звонок Лены, своим легким и высоким, иссушим голосом она рассказывала о состоянии работы над томом, а потом бывало точно так же переходила к собственному самочувствию – не сетуя, не жалуясь, а как-то очень ясно и по-деловому рассказывая о состоянии своей борьбы с болезнью, о предстоящих операциях, о связанных с ними надеждах. Да, она до последнего надеялась на выздоровление, и именно свет этой надежды, а не горечь болезни был тем, что она несла окружающим, чем делилась с ними. Только в самом конце, в последние три месяца, когда ее собственная надежда стала таять, Лена замкнулась, закрылась от общения – не явно, не высказанно, но так, что вокруг нее все же создалась какая-то атмосфера *noni me tangere*. Она не хотела, чтобы ее видели сдавшейся, неподвижной. На последнем слове я делаю особое ударение; необыкновенность Лены Ознобкиной заключалась как раз в удивительной подвижности ее образа: при крайней скованности в телесных движениях в ней все время что-то словно летело и пело – ее недремлющая духовная суть и ее подлинная витальность, которой будто бы даже и не требовалось физической оболочки.

Собственно, вот это движение мне и посчастливилось видеть в ней всякий раз, обсуждала ли она со мной проблемы редакции «Заратустры», указывала ли на несуразности в переводе черновиков или же говорила о чем-то общечеловеческом – о политике или футболе. Однажды Лена увлеченно делилась со мной впечатлениями о матче Россия – Англия, разумеется, не будучи спортивным обозревателем, очень по-своему, но сейчас я понимаю, что говорила она именно об этом – о движениях и пластике команд, о ловкости и легкости.

Вот, пожалуй, еще одно ключевое слово, которое так же парадоксально и органично связано с Леной. Ей не было легко. С нею же было легко и в работе, и в обсуждении тем любой степени глубины и деликатности. Это была легкость, обусловлен-

ная ее знанием. С одной стороны, знаниями научными, присутствием в теме. С другой же стороны, интуитивным знанием того, как надо – врожденным тактом и благородством. И если в работе Лена могла иногда в чем-нибудь ошибиться – в силу относительности любого научного знания – и с готовностью исправлять свои ошибки, то в этических коллизиях она, казалось, обладала знанием безошибочным и абсолютным. Вот один пример, на мой взгляд, исчерпывающий. В нашем издательстве готовился сборник переводных статей, среди которых были и переводы Лены Ознобкиной. Спонсор обещал оплатить работу переводчиков, но месяц за месяцем медлил с оплатой. Наконец, он выделил некоторую сумму, которой хватало только на один из гонораров. Я принес ее Лене. Нельзя сказать, чтобы этих денег за давно выполненную работу она не ждала или они были ей не нужны. Однако, узнав, что остальные переводчики гонорара пока не получили, Лена от этих денег отказалась. Наотрез, но спокойно и легко, так что не возникло ни малейшей неловкости и не осталось ни малейших сомнений, что ее решение – единственно верное. Здесь показательно еще и то, что Лена работила о собственных интересах едва ли не в последнюю очередь. Причем вовсе не из-за отсутствия инициативности и практической сметки. Она, как фокусник, умудрялась добывать гранты на действительно важные в научном отношении издательские проекты, руководствуясь при этом только интересами дела.

После основательной, тщательной и тонкой редакции 4-го тома Полного собрания сочинений Ницше – книги «Так говорил Заратустра» в переводе Антоновского – Лена Ознобкина принялась за тематически близкий к «Заратустре» 10-й том с черновиками и набросками Ницше 1882–1884 годов. Здоровье не позволило ей завершить этот труд, однако добросовестность и обязательность Лены по-своему проявились и здесь – в том, что она передала работу своему сыну, талантливому юному германисту Алексею Жаворонкову. 10-й том под редакцией Елены Вячеславовны Ознобкиной и Алексея Жаворонкова выйдет из печати уже осенью этого года. Можно сказать, что в сфере германистики Лена сама

воспитала себе смену. А вот в жизни, в творчестве человеческих отношений, в мире решений и поступков, увы, замен не бывает – только обретения и утраты. Для всех, кто знал Лену, кому она дарила свой свет и свою легкость, она всегда останется
незаменимым обретением
и невосполнимой
потерей.